

Сергей ГРИНБЕРГ
**Руслан Сидоров: «Стихи,
которые помню наизусть...»**

**Новокузнецк
2019**

Центральная городская библиотека им. Н.В. Гоголя

Сергей ГРИНБЕРГ
**Руслан Сидоров: «Стихи,
которые помню наизусть...»**

Посвящается друзьям Руслана

Новокузнецк
«Ник без Компані»
2019

УДК 821.161.1.09
ББК 83.3(2Рос=Рус)6
Г 85

ГРИНБЕРГ Сергей Исаакович

Руслан Сидоров: «Стихи, которые помню наизусть...» /
Сергей Гринберг ; Центральная городская библиотека им. Н.В.
Гоголя. – Новокузнецк: Издательство «Ник без Company»,
2019. – 80 с.

12+

Фото Светланы Черкеевой

Сидоров Руслан Геннадьевич

(30 ноября 1968 – 7 июня 2013)

Предисловие

Руслан Сидоров принадлежал к числу поэтов, постоянно и много читающих. Его начитанность и эрудиция поражали; иногда казалось, что нет такого писателя или поэта, которого он не читал бы. На авторском вечере в клубе любителей поэзии «Дилижанс» 26 февраля 2002 года он говорил:

– Дело в том, что я научился очень рано читать... У меня нет законченного образования и нет какой-то специальности по жизни. Если бы довелось себя идентифицировать как-то, я бы сказал: «По профессии я читатель». Я всю жизнь учусь читать, и начал читать очень рано.

Чтение – это действительно... большая часть моей жизни. Я думаю, что никогда бы я не стал бы сам что-то писать, если бы чтение не было бы так для меня важно.

В одной из тетрадей Руслана есть короткая запись: «*Стихи наизусть – это ваши стихи*». Руслану нравилась эта мысль Иосифа Бродского, который, предлагая своим студентам учить стихи наизусть, говорил, что каждое выученное стихотворение можно считать своим. Когда вы знаете стихотворение наизусть, оно становится частью вас. Весной 2012 года Руслан провёл в «Дилижансе» поэтический вечер под названием «*Стихи, которые ты знаешь наизусть*».

После вечера, отвечая на вопросы корреспондента газеты «Новокузнецк», Руслан сказал:

– «Стихи, которые ты знаешь наизусть, – это твои стихи», – сказал Бродский. Я думал, это метафора... Потом понял: действительно так. Стихи, которые я помню наизусть, – мои стихи. Их у меня нельзя отнять. Можно последнюю рубашку отобрать, дом разрушить, лишить меня близких... Сердце, казалось бы, неотъемлемо от человека. Но и его меняют, новое ставят. А стихи из человека, от человека уйдут только с жизнью.

Если так, сколько же стихов помимо собственных Руслан мог считать своими? Имея прекрасную память, он знал наизусть

сотни, если не тысячи стихотворений самых разных поэтов – известных, малоизвестных и совсем не известных.

* * *

Не знаю, насколько близко к истине предположение, которым я хочу поделиться. У меня уже давно, ещё при жизни Руслана было ощущение, что у него возникла необходимость как-то упорядочить, привести в систему лавину переполнявших его стихов, как его собственных, так и других авторов.

Систематизация знаний необходима как человечеству в целом, так и каждому отдельному человеку. Руслан ещё в ранней юности думал о приобретении и систематизации знаний. Вот что писал он в дневнике вскоре после окончания школы:

– И ещё относительно моих знаний. Они бессистемны и потому очень беспорядочны. Отрывки, обрывки, куски... В итоге, в голове создаётся «компот», весьма сильно препятствующий как запоминанию, так (и это главное) и вспоминанию.

Для того, чтобы знания были силой, они должны быть систематизированы. Модель – библиотека. На полочках с ярлычками-темами аккуратно разложены книги...

Знания, как бы обильны они ни были, чтобы иметь практическую пользу, должны быть строго систематизированы. Только в этом случае: знание – сила.

Как мне представляется, Руслан пытался как-то систематизировать стихи, которые он знал. Что касается своих собственных стихов, несколько авторских поэтических вечеров он провёл, сгруппировав их по временам года. Вот что писал А. Шпрингер в газете «Кузнецкий рабочий» об одном из таких вечеров, состоявшемся в ноябре 2008 года:

– Вечеру смело можно было бы дать название «Времена года», я бы даже сказал – «Поэтические времена года». Именно в таком порядке были выстроены стихи – о весне, лете, осени, зиме, причём, не только как о календарных временах года, но и как о разных состояниях души человека, его взгляда на мир, его бытия в мире.

Похоже, «Времена года» – любимая форма поэтического рассказа у Руслана. Он не раз прибегал к ней. Такое же название он дал подборке своих стихов в журнале поэзии «После 12» в

августе 2009 года. И свой последний авторский вечер 27 ноября 2012 года Руслан тоже назвал «Времена года».

Однажды Руслан предложил мне поучаствовать в составлении виртуального сборника с примерным названием «Стихи на каждый день». Руслан предполагал подобрать 365 стихотворений – по одному на каждый день года. Позже я понял, что эту мысль Руслан «позаимствовал» у Венички Ерофеева, чью поэму в прозе «Москва – Петушки» он любил и хорошо знал. В записях Руслана, как и в некоторых его стихах, встречаются упоминания об этом произведении и его авторе.

В одной из черновых тетрадей Руслана есть такая запись, датированная 23 октября 2007 года (приведу, как в оригинале – СГ):

– Теперь ещё одно: 365 стихотворений Ерофеева Венички, памяти незабвенной неосуществлённой идеи «Стихи на каждый день» посвящённой, начал собирать.

Руслан здесь имеет в виду «Летопись жизни и творчества Венедикта Ерофеева». В ней есть записи об антологии русской поэзии, для составления которой В. Ерофеев отобрал 366 стихотворений:

1958, 18 декабря – ... В Славянске Венедикт начинает составлять и антологию русской поэзии...

1987, 21 сентября – в редакции «Огонька» Ерофеев передает Евтушенко для «Антологии русской поэзии» отобранные им 366 стихотворений русских поэтов (по одному поэту на конкретный день года).

Мне кажется, есть все основания предполагать, что Руслану понравилось то, что сделал В. Ерофеев, и он решил сделать подобное, немного изменив идею: вместо 366 стихотворений – по одному от каждого автора – собрать 365 понравившихся стихотворений – по одному на каждый день года. Видимо, тогда Руслан и предложил мне участие в этом замысле.

Что-то мы начали придумывать (помню, что первыми «кандидатами» были стихи С.Я. Маршака и Б.Л. Пастернака о весне и лете), но довольно скоро забросили это занятие, и проект закрылся, практически не начавшись.

Так я думал поначалу. Но оказалось, что Руслан не оставил, а лишь немного изменил впоследствии этот замысел, и, пожалуй, самым интересным проектом, который через несколько лет

всерьёз увлѣк Руслана, стал список из ста любимых стихотворений.

В фильме «Поэт один. Не одинок. Один...» показана записная книжка Руслана – ежедневник в красном переплѣте. «Ежедневник найден на помойке в 2010 г.», – гласит ироническая надпись Руслана на форзаце. Эта записная книжка почти полностью посвящена подготовке к циклу лекций о Фѣдоре Михайловиче Достоевском. Но в самом её конце есть любопытный список. Это названия нескольких десятков стихотворений, которые Руслан считал своими любимыми. Его идеей было сделать сборник из ста любимых стихотворений, о чём свидетельствует запись:

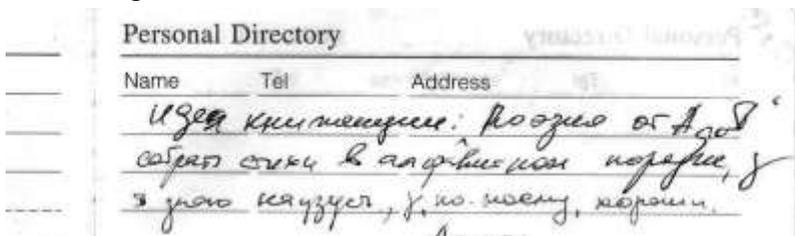
– *Идея В. Ерофеева: сборник, 100 стихов.*

100 любимых наизустьно – это и есть автобиография. 100 – неотъемлемая часть.

Как мы видим, вместо предполагавшихся вначале трёхсот шестидесяти пяти Руслан решил остановиться на ста стихотворениях. По его мнению, по одной сотне запомнившихся наизусть любимых стихов можно представить биографию человека (поэта, во всяком случае). Наверное, именно так следует понимать фразу «100 любимых наизустьно – это и есть автобиография».

Конечно, это только предположение. Как бы то ни было, Руслан загорелся идеей сборника из 100 любимых стихотворений и частично реализовал её.

Ещё об одной попытке систематизации стихов свидетельствует записная книжка Руслана в изрядно потрёпанной кожаной обложке. Она также показана в фильме «Поэт один. Не одинок. Один...». Обложку потрепала Мышь – любимая собака Руслана, – когда он ненадолго оставил книжку на крыльце калачѣвского дома. Вот короткая запись:

Из записной книжки Руслана Сидорова

(Греческой буквой «гамма» Руслан в своих записях для сокращения обозначал слово «который», именно так это делают стенографисты).

– *Идея книженции: „Поэзия от А до Я”. Собрать стихи в алфавитном порядке, которые я знаю наизусть, которые, по моему, хороши.*

Эта запись говорит о том, что Руслан хотел упорядочить понравившиеся ему стихи, расположив их в алфавитном порядке. К сожалению, мне неизвестно, насколько Руслан продвинулся в этой задумке. Очень вероятно, что реализовать её он просто не успел. Записная книжка, о которой идёт речь, была подарена Руслану в конце ноября 2012 года на его последнем авторском вечере. Упомянутая запись сделана, по всей видимости, в начале 2013 года, т.е. примерно за полгода до его трагической гибели.

Итак, можно попытаться представить последовательность замыслов и действий Руслана. Видимо, в 2000-х годах он стал задумываться о систематизации понравившихся ему стихов, которых становилось всё больше и больше. Для своих стихов он применял простой и надёжный приём. В журнальных публикациях и выступлениях на поэтических вечерах он часто группировал свои стихи по временам года. Во второй половине 2000-х годов, ознакомившись с антологией Венички Ерофеева, Руслан задумал воплотить похожую идею: собрать 365 понравившихся стихов – по одному на каждый день в году. (Об этом говорит запись в тетради в октябре 2007 года.) Через несколько лет Руслан решил сократить количество стихов в предполагаемом виртуальном сборнике до ста. (Запись в красном ежедневнике, найденном в 2010 году.) Он записал около половины намеченного количества стихов – только названия или первые строчки. Наконец в начале 2013 года в недавно подаренной записной книжке Руслан записал о намерении расположить запомнившиеся наизусть любимые стихи по алфавиту. Воплотить этот замысел Руслан уже не успел...

* * *

Вернёмся к красной записной книжке. В ней Руслан вчерне записал и пронумеровал около пятидесяти названий (или начальных строчек) стихотворений, т.е. примерно половину своего замысла. В предлагаемых заметках я хочу «расшифровать» некоторые строчки руслановского списка, т.е. привести целиком некоторые

стихи и добавить те сведения о них, которыми мы располагаем. Это могут быть наши воспоминания, видеозаписи с участием Руслана, записи в черновиках и, конечно, его стихи. Так мы получим некоторое представление о его поэтических пристрастиях в 2010-е годы – пору зрелого творчества Руслана Сидорова. Неплохо бы также по возможности указать (или хотя бы предположить) причины, по которым Руслан записал в любимые то или иное стихотворение.

Думается, не имеет смысла пытаться рассказать обо всех стихах, представленных в списке. Такой рассказ может неоправданно затянуться. Но главное – далеко не обо всех стихотворениях можно что-то сообщить. Некоторые стихи из списка Руслан не читал и ничего о них не говорил, наверное, потому что этот список был в стадии формирования.

Юнна Мориц

1). Юнна Мориц. «Малюсенькая воздушная акробатка»

* * *

Малюсенькая воздушная акробатка
Носила грим из японских глаз.
Младенческая кроватка
Была бы ей в самый раз.
Пахло в её цирковом вагончике
Слонами, тиграми, кем хотите.
И во весь подоконник
Светились флакончики
С благовониями Нефертити.
Она работала кометой Галлея,
То есть без лонжи – как все кометы,
Полагая, что так она будет целее,
Чем другие летающие предметы.
На ней была серебристая маечка
С молнией промеж лопаток,
И огромный атлет говорил ей: «Раечка,
Моя девочка». Шёл ей седьмой десяток.
Малюсенькая воздушная акробатка
Поворачивалась к нему спиной.
Он расстёгивал молнию, тяжко и сладко
Вздыхая, как слон надувной.
Они шутили так весело. Она шепелявила.
Он блёстки снимал у неё с переносицы.
Однажды её на лету расплавил.
То, что легче всего на лету переносится.

33). Ю. Мориц. «Не знает Лермонтов, что так
теперь не пишут»

* * *

Не знает Лермонтов, что так теперь не пишут
в приличном обществе... С еврейским вкусом люди
не содрогаются и воздух не колышут,
в какой-то мысли превратясь орудье.
Так не ведут себя темно и мрачно,
чтоб не смешить родимое Бермудье,
не брызжут желчью, свойственной зануде
и психу, страсть которого безбрачна,
а жизнь конечна... Снегом воздух вышит,
за всем – дыра неведенья сквозная.
Так не ведут себя и так теперь не пишут,
не носят этого, но Лермонтов не знает,
что этого не носят, – столь несносны
подобный стиль и скрежет оборотов,
что это носят лишь дубы, и сосны,
и несколько несносных идиотов.
Оно потешно, старомодно, зябко –
носиться, этой манией пылая:
однако же поэзия – не тряпка,
чтоб модной быть, чего и вам желаю.

1995

В списке два стихотворения Юнны Мориц. Одно открывает список, другое – во второй половине списка, под номером 33. Ю. Мориц упоминается в известном стихотворении Руслана, помещённом в послесловии, где он перечисляет особо почитаемых им поэтов и писателей. Видимо, было в её поэзии нечто такое, что не оставило его равнодушным.

Вера Павлова

2). Вера Павлова. «Научиться смотреть мимо»

* * *

Научиться смотреть мимо.
Научиться прощаться первой.
Одиночество неразвормимо
ни слезой, ни слюной, ни спермой.
И на золоте чаш венчальных,
и в бумажных стаканчиках блюдок
искушённый взгляд замечает
одиночества горький осадок.

Поэзией Веры Павловой Руслан был увлечён во второй половине 2000-х – начале 2010-х годов. Он часто читал и цитировал её стихи. В конце 2006 года вместе с Татьяной Костериной провёл вечер поэзии Веры Павловой. Поэтому появление её фамилии в списке совсем не удивительно. Удивительно скорее то, что Руслан записал всего одно её стихотворение.

Руководительница клуба «Дилижанс» Н.Г. Кретова в конце поэтического вечера обычно вручала ведущему небольшой подарок. В ноябре 2010 года, на творческом вечере Руслана подарком ему была книга стихов Веры Павловой. Надо было видеть, как обрадовался Руслан, как, от избытка чувств схватившись за голову, протянул: «*Ой-ой-ой, ну, спасибо!*»

В своих черновых тетрадах Руслан записывал не только свои стихотворения, но и понравившиеся стихи других поэтов. В одной из таких тетрадей больше десятка страниц исписаны стихами Веры Павловой.

Иосиф Бродский

3). И. Бродский

* * *

Я входил вместо дикого зверя в клетку,
Выжигал свой срок и кликуху гвоздём в бараке,
Жил у моря, играл в рулетку,
Обедал чёрт знает с кем во фраке.

С высоты ледника я озираю полмира,
Трижды тонул, дважды бывал распорот.
Бросил страну, что меня вскормила.
Из забывших меня можно составить город.

Я слонялся в степях, помнящих вопли гунна,
Надевал на себя что сызнава входит в моду,
Сеял рожь, покрывал чёрной толью гумна
И не пил только сухую воду.

Я впустил в свои сны воронённый зрачок конвоя,
Жрал хлеб изгнанья, не оставляя корок.
Позволял своим связкам всё звуки, помимо воя;
Перешёл на шёпот. Теперь мне сорок.

Что сказать мне о жизни? Что оказалась длинной.
Только с горем я чувствую солидарность.
Но пока мне рот не забили глиной,
Из него раздаваться будет лишь благодарность.

<24 мая 1980>

11). И.Б. «Осенний крик ястреба».

Иосиф Бродский. Осенний крик ястреба

Северо-западный ветер его поднимает над
сизой, лиловой, пунцовой, алой
долиной Коннектикута. Он уже
не видит лакомый променад
курицы по двору обветшалой
фермы, суслика на меже.

На воздушном потоке распластанный, одинок,
всё, что он видит – гряды покатых
холмов и серебро реки,
вьющейся точно живой клинок,
сталь в зазубринах перекаатов,
схожие с бисером городки

Новой Англии. Упавшие до нуля
Термометры – словно лары в нише;
стынут, обуздывая пожар
листьев, шпили церковей. Но для
ястреба, это не церкви. Выше
лучших помыслов прихожан,

он парит в голубом океане, сомкнувши клюв,
с прижатою к животу плюсною
– когти в кулак, точно пальцы рук –
чуя каждым пером поддув
снизу, сверкая в ответ главною
ягодою, держа на Юг,

к Рио-Гранде, в дельту, в распаренную толпу
буков, прячущих в мощной пене
травы, чьи лезвия остры,
гнездо, разбитую скорлупу
в алую крапинку, запах, тени
брата или сестры.

Сердце, обросшее плотью, пухом, пером, крылом,
бьющееся с частотою дрожи,
точно ножницами сечёт,
собственным движимое теплом,
осеннюю синеву, её же
увеличивая за счёт

еле видного глазу коричневого пятна,
точки, скользящей по верху вершины
ели; за счёт пустоты в лице
ребёнка, замершего у окна,
пары, вышедшей из машины,
женщины на крыльце.

Но восходящий поток его поднимает вверх
выше и выше. В подбрюшных перьях
щиплет холодом. Глядя вниз,
он видит, что горизонт померк,
он видит как бы тринадцать первых
штатов, он видит: из

труб поднимается дым. Но как раз число
труб подсказывает одинокой
птице, как поднялась она.

Эк куда меня занесло!

Он чувствует смешанную с тревогой
гордость. Перевернувшись на

крыло, он падает вниз. Но упругий слой
воздуха его возвращает в небо,
в бесцветную ледяную гладь.

В желтом зрачке возникает злой
блеск. То есть, помесь гнева
с ужасом. Он опять

низвергается. Но как стенка – мяч,
как падение грешника – снова в веру,
его выталкивает назад.

Его, который ещё горяч!
В чёрт-те что. Всё выше. В ионосферу.
В астрономически объективный ад

птиц, где отсутствует кислород,
где вместо проса – крупа далёких
звёзд. Что для двуногих высь,
то для пернатых наоборот.
Не мозжечком, но в мешочках лёгких
он догадывается: не спастись.

И тогда он кричит. Из согнутого, как крюк,
клюва, похожий на визг эриний,
вырывается и летит вовне
механический, нестерпимый звук,
звук стали, впившейся в алюминий;
механический, ибо не

предназначенный ни для чьих ушей:
людских, срывающейся с берёзы
белки, тьявкающей лисы,
маленьких полевых мышей;
так отливаться не могут слёзы
никому. Только псы

задирают морды. Пронзительный, резкий крик
страшней, кошмарнее ре-диеза
алмаза, режущего стекло,
пересекает небо. И мир на миг
как бы вздрагивает от пореза.
Ибо там, наверху, тепло

обжигает пространство, как здесь, внизу,
обжигает чёрной оградой руку
без перчатки. Мы, восклицая «вон,
там!» видим вверху слезу
ястреба, плюс паутину, звуку
присущую, мелких волн,

разбегающихся по небосводу, где
нет эха, где пахнет апофеозом
звука, особенно в октябре.

И в кружеве этом, сродни звезде,
сверкая, скованная морозом,
инеем, в серебре,

опушившем перья, птица плывет в зенит,
в ультрамарин. Мы видим в бинокль отсюда
перл, сверкающую деталь.

Мы слышим: что-то вверху звенит,
как разбивающаяся посуда,
как фамильный хрусталь,

чьи осколки, однако, не ранят, но
тают в ладони. И на мгновенье
вновь различаешь кружки, глазки,
веер, радужное пятно,
многоточия, скобки, звенья,
колоски, волоски –

бывший привольный узор пера,
карту, ставшую горстью юрких
хлопьев, летящих на склон холма.

И, ловя их пальцами, детвора
выбегает на улицу в пестрых куртках
и кричит по-английски "Зима, зима!"

30). *И.Б. «Подруга милая».*

Иосиф Бродский. Элегия

М. Б.

Подруга милая, кабак всё тот же.
Всё та же дрянь красуется на стенах,
всё те же цены. Лучше ли вино?
Не думаю; не лучше и не хуже.
Прогресса нет. И хорошо, что нет.

Пилот почтовой линии, один,
как падший ангел, глушит водку. Скрипки
ещё по старой памяти волнуют
моё воображение. В окне
маячат белые, как девство, крыши,
и колокол гудит. Уже темно.

Зачем лгала ты? И зачем мой слух
уже не отличает лжи от правды,
а требует каких-то новых слов,
неведомых тебе – глухих, чужих,
но быть произнесёнными могущих,
как прежде, только голосом твоим.

1968, Паланга

О роли Иосифа Бродского в поэтической судьбе Руслана Сидорова сказано и написано немало. *«Считаю, Бродский – самый значительный поэт XX века»*. *«Бродский – это всё... Он гений»*. *«Бродский был мой главный воспитатель и учитель»*. Эти и другие слова Руслана достаточно ясно говорят об отношении Руслана к своему кумиру и учителю. Поэтому нет ничего неожиданного в том, что в список любимых стихов вошли сразу три его стихотворения.

Первое стихотворение («Я входил вместо дикого зверя в клетку...»), как бы осмысливающее сорок лет жизни поэта, мы с Русланом однажды прочитали вдвоём, через строчку-две по очереди. Было это в «Дилижансе» на вечере «Поэты – лауреаты Нобелевской премии».

«Осенний крик ястреба» заслуживает отдельного разговора. Если стихотворения, помещённые в список, можно назвать любимыми, то статус «Осеннего крика ястреба» явно выше, чем просто любимое. Руслан считал его лучшим стихотворением в русской поэзии XX века. И в этом вопросе он позволил себе не то, чтобы поспорить со своим кумиром, но сделать существенную оговорку к его мнению:

– ...самым значительным стихотворением XX века он (Бродский – СГ) считал *«Орфей. Эвридика. Гермес» Райнера Марии Рильке*. Но мне кажется, что вот это стихотворение...

– во всяком случае, я о русскоязычной поэзии говорю – самое значительное стихотворение в русской поэзии XX века. Ничего сильнее этого я не знаю...

Афиша вечера «Мой Бродский» 11 января 2001 г.

«Осенний крик ястреба» интересен также тем, что можно назвать даты его первого и последнего публичного прочтения. Впервые Руслан прочитал его в клубе «Дилижанс», завершая поэтический вечер «Мой Бродский»:

– Закончить мне бы хотелось стихотворением, которое я никогда не читал, которое я долго с листа даже не мог прочитать... Я его никогда не читал вслух.

Поскольку вечер состоялся 11 января 2001 года, то можно увидеть нечто символическое в том, что «Осенним криком ястреба» Руслан открыл и новый год, и новый век, да и новое тысячелетие.

А последний раз Руслан прочитал его на уже упоминавшемся поэтическом вечере «Стихи, которые ты знаешь наизусть» в апреле 2012 года. Те, кто был на этом вечере, хорошо помнят это потрясшее нас выступление Руслана, когда его голос, заполнивший всё пространство, казалось, сливался с осенним криком одинокого ястреба...

В «Дилижансе» Руслан предлагал каждый сезон проводить вечера поэзии Иосифа Бродского. Предложение это всерьёз не

рассматривалось, потому что и без официального утверждения Руслан один-два раза в сезон устраивал вечера Бродского. Так получилось, что и последний свой вечер в клубе «Дилижанс» Руслан провёл по творчеству Иосифа Бродского...

Последнее в этом списке стихотворение И. Бродского – «Элегия» из сборника «Новые стансы к Августе» – записано Русланом под номером 30. Руслан часто обращался к любовной лирике Иосифа Бродского. На вечере 11 января 2001 года он сказал:

– Все стихи о любви Бродского посвящены одному и тому же адресату М.Б. – Марианна Басманова. Я не знаю, кто ещё из русских женщин фактом своего ухода от мужа сделал столько же полезного, сколько она. Потому что этому событию посвящена масса стихов Бродского. «Новые стансы к Августе» – единственный сборник, который Бродский сам составлял. Все стихи посвящены ей. С 1962 по 1982 – за двадцать лет ровно семьдесят стихотворений. Но туда не все вошли ещё из тех, что были написаны. То, что посчитал нужным.

Мотивы Иосифа Бродского часто встречаются в творчестве Руслана. Руслан написал также несколько стихотворений, обращённых к своему кумиру. Вот одно из них:

* * *

И.Б.

*Я благодарен судьбе за любовь,
За эту встречу.
Всё нипочём, если вечер с тобой,
День, ночь и вечер.
Что бы я делал, если б не ты?
Если б не встретил?
Мне б не хватило иной красоты,
Мир бы мне претил.
Те десять лет, что я знаю тебя,
Пять – с чёрным небом.
Помню Венецию. Я голубят
Выкормил хлебом.*

2001

Отметим в качестве примечания, что И.А. Бродского не стало в 1996 году, а с его стихами Руслан познакомился в 1991 г. Отсюда становятся понятными строчки этого стихотворения, написанного в 2001 году:

*Те десять лет, что я знаю тебя,
Пять – с чёрным небом...*

Возможно, это не к месту, но мне хотелось бы сказать об отношении Руслана к бытующему мнению о том, что Нобелевская премия была присуждена Бродскому не за его творчество, а по политическим мотивам. Руслана это раздражало, он считал, что такой взгляд имеет под собой или непонимание творчества Бродского, или чрезмерную начитанность пропагандистскими статейками об отщепенцах-эмигрантах. Он иронически спрашивал: а у тех, кто так считает, их мнение основано на поэтических или политических убеждениях? Или, может быть, они перечитали все произведения номинантов 1987 года и пришли к выводу, что Бродский – самый слабый кандидат?

Александр Пушкин

4). Пушкин. «Из Пиндемонти».

Пушкинские чтения в «Дилижансе» устраивались ежегодно 6 июня – в день рождения поэта. Это было одной из традиций клуба.

Как это ни покажется странным, Пушкин не числился среди любимых поэтов Руслана. Но это не значит, что он не любил Пушкина. У каждого причастного к поэзии есть поэты любимые. У Руслана это были М. Цветаева, О. Мандельштам, Т. Кибиров, Б. Чичибабин, В. Павлова, Р. Фрост, В. Шимборска, Л. Лосев и, наверное, еще многие другие (про И. Бродского я даже не упоминаю – это само собой разумеется). Это не означает, что других поэтов Руслан не любил.

Если отношение Руслана к Пушкину нельзя определить однозначно «любил – не любил», то одно пушкинское стихотворение он, несомненно, любил. Его он и занёс в список четвёртым по счёту – это не публиковавшееся при жизни Пушкина «Из Пиндемонти». Руслан не раз читал его на пушкинских вечерах.

А.С. Пушкин. (Из Пиндемонти)

Не дорого ценю я громкие права,
От коих не одна кружится голова.
Я не ропщу о том, что отказали боги
Мне в сладкой участи оспоривать налоги
Или мешать царям друг с другом воевать;
И мало горя мне, свободно ли печать
Морочит олухов, иль чуткая цензура
В журнальных замыслах стесняет балагура.
Все это, видите ль, слова, слова, слова*
Иные, лучшие, мне дороги права;
Иная, лучшая, потребна мне свобода:
Зависеть от царя, зависеть от народа –

Не все ли нам равно? Бог с ними.

Никому

Отчёта не давать, себе лишь самому
Служить и угождать; для власти, для ливреи
Не гнуть ни совести, ни помыслов, ни шеи;
По прихоти своей скитаться здесь и там,
Дивясь божественным природы красотам,
И пред созданьями искусств и вдохновенья
Трепеща радостно в восторгах умиленья.
Вот счастье! вот права...

* Hamlet.

Эти строки были созвучны поэтическому мироощущению Руслана. В его стихах нередко встречаешься с Пушкиным. В стихотворных строках, а иногда и в эпиграфах Руслана великое множество парафраз, намеков, реминисценций и цитат из пушкинских произведений.

Борис Рыжий

5). *Б. Рыжий. «Скажи мне сразу...»*

Скажи мне сразу после снегопада –
мы живы или нас похоронили?
Нет, помолчи, мне только слов не надо
ни на земле, ни в небе, ни в могиле.
Мне дал Господь не розовое море,
не силы, чтоб с врагами по квитаться –
возможность плакать от чужого горя,
любя, чужому счастьем улыбаться.
... В снежки играют мокрые солдаты –
они одни, одни на целом свете...
Как снег чисты, как ангелы – крылаты,
ни в чём не виноваты, словно дети.

1996

31). *Б. Рыжий. «Я помню всё, хоть многое забыл»*

* * *

Я помню всё, хоть многое забыл, –
разболтанную школьную ватагу.
Мы к Первомаю замутили брагу,
я из канистры первым пригубил.
Я помню час, когда ногами нас
за буйство избивали демонстранты.
Ах, музыка, ах, розовые банты.
О, раньше было лучше, чем сейчас, –
по-доброму, с улыбкой, как во сне.
И чудом не потухла папироска.
Мы все лежим на площади Свердловска,
где памятник поставят только мне.

32). — // — «На окошке на фоне заката»

* * *

На окошке на фоне заката
дрянь какая-то жёлтым цвела.
В общежитии жиркомбината
некто Н., кроме прочих, жила.
И в легчайшем подпитье являясь,
я ей всякие розы дарил.
Раздеваясь, но не разуваясь,
несмешно о смешном говорил.
Трепетала надменная бровка,
матерок с алой губки слетал.
Говорить мне об этом неловко,
но я точно стихи ей читал.
Я читал ей о жизни поэта,
чётко к смерти поэта клоня.
И за это, за это, за это
эта Н. целовала меня.
Целовала меня и любила.
Разливала по кружкам вино.
О печальном смешно говорила.
Михалкова ценила кино.
Выходил я один на дорогу,
чуть шатаясь мотор тормозил.
Мимо кладбища, цирка, острога
вёз меня молчаливый debil.
И грустил я, спросив сигарету,
что, какая б любовь ни была,
я однажды сюда не приеду.
А она меня очень ждала.

Борис Рыжий – один из талантливейших поэтов 1990-х годов. В его творчестве «оживла» рабочая окраина Екатеринбурга – «Вторчермет». Возможно, кому-то его стихи покажутся «бытовухой», «жестью», но это настоящая, глубокая поэзия.

Борис Рыжий «вошёл» в наш «Дилижанс» примерно в середине 2000-х годов. Если я правильно помню, первыми его почитателями были Татьяна Костерина и Руслан Сидоров. У Татьяны была хорошая книга под названием «Оправдание жизни» – стихи, проза, публицистика, письма Б. Рыжего.

Руслан любил стихи Б. Рыжего, знал его короткую биографию. Недаром в списке любимых стихов он поместил целых три стихотворения Бориса Рыжего – столько же, сколько и своего кумира Бродского.

На вечере поэзии Бориса Поплавского, одного из видных поэтов русской эмиграции, Руслан очень эмоционально выступал в обсуждении. Он сказал, что у него была мысль – провести вечер поэзии «трёх Борисов»: Пастернака, Поплавского и Рыжего. И здесь же на примере показал преемственность поэзии, своеобразную поэтическую эстафету, переключку двух поэтов:

– У Поплавского есть такие строчки: «... на мосту... в снежки играют мокрые солдаты...*». А теперь – внимание! Слушайте – во-первых, эти строчки будут, во-вторых, сама интонация Поплавского...

И после этого Руслан прочитал наизусть стихотворение Бориса Рыжего, которое стоит первым в этом списке:

– Скажи мне сразу после снегопада —
мы живы или нас похоронили?..

.....

...В снежки играют мокрые солдаты —
они одни, одни на целом свете...
Как снег чисты, как ангелы – крылаты,
ни в чём не виноваты, словно дети.

* Приведём строфу из стихотворения Б.Ю. Поплавского «Как холодно. Молчит душа пустая...», о котором говорит Руслан Сидоров:

... Зажгите свет, так рано потемнело,
С домов исчезли яркие плакаты.
Ночь на мосту, где, прячась в дыме белом,
В снежки играют мокрые солдаты.

– Вот Борис Рыжий – Борис Поплавский, – так закончил Руслан своё выступление.

К Борису Рыжему обращено одно из стихотворений Руслана:

* * *

Б.Р.

*Здравствуй, здравствуй!
Жизнь прошла.
Что они вокруг все плачут?
Ты закончил. Все дела.
Ты закончил. Всё удачно.
Ты им... это... улыбнись.
Вот он! Вот он! Луч меж тучек.
Хороша иная жизнь?
Да понятно, что получше.
Ну, а в смысле?.. Да ты что!?
Чудно, чудно мирозданье!
Понял... Понял. Всё! Потом.
До свиданья! До – свиданья.*

Денис Новиков

б). Новиков. «Одесную одну я любовь посажу...»

* * *

Одесную одну я любовь посажу
И ошую – другую, но тоже любовь.
По глубокому кубку вручу, по ножу.
Виноградное мясо, отрадная кровь.
И начнётся наш жертвенный пир со стиха,
Благодарного слова за хлеб и за соль,
За стеклянные эти – 0,8 – меха
И за то, что призрел перекатную голь.
Как мы жили, подумать, и как погода
С наступлением времени двигать назад,
Мы, плечами от стужи земной поводя,
Воротимся в Тобой навещаемый ад.
Ну а ежели так посидеть довелось,
Если я раздаю и вино и ножи —
Я гортанное слово скажу на авось,
Что-то между «прости меня» и «накажи»,
Что-то между «прости нас» и «дай нам ремня».
Только слово, которого нет на земле,
И вот эту любовь, и вот ту, и меня,
И зачатых в любви, и живущих во зле
Оправдает. Последнее слово. К суду
Обращаются частные лица Твои,
По колено в Тобой сотворённом аду
И по горло в Тобой сотворённой любви.

1989

Денис Новиков – талантливый молодой поэт. Участник группы «Альманах», куда входили Дмитрий Пригов, Лев Рубинштейн, Сергей Гандлевский, Тимур Кибров, Михаил Айзенберг. Несколько лет жил в Англии и Израиле. Выпустил четыре сборника стихов. К одному из них Иосиф Бродский написал послесловие. Как и положено поэту, прожил всего 37 лет. В последние годы жизни порвал с литературой и перестал писать.

В декабре 2009 года Руслан провёл в «Дилижансе» вечер поэзии Дениса Новикова. На вечере был молодой поэт из г. Междуреченска Олег Филатов, который и раньше, и впоследствии не раз бывал в «Дилижансе». Я не вполне уверен в своей памяти, мне помнится, что именно Олег с Русланом «открыли» нам Дениса Новикова.

Из прочитанного Русланом на том вечере, кроме приведённого в списке, запомнилось следующее стихотворение:

* * *

Куда ты, куда ты... Ребёнка в коляске везут,
И гроб на плечах из подъезда напротив выносят.
Ремесленный этот офорт, этот снег и мазут,
Замешенный намертво, взять на прощание просят.

Хорошие люди, не хочется их обижать.
Спасибо, спасибо, на первый же гвоздь обещаю
Повесить. Как глупо выходит – собрался бежать,
И сиднем сидишь за десятою чашкою чаю.

Тебя угощали на этой земле табаком.
Тряпьём укрывали, будильник затурканный тикал.
Оркестр духовой отрывался в саду городском.
И ты отщепенцам седым по-приятельски тыкал.

Куда ты, куда ты... Не свято и пусто оно.
Но встанет коляска, и гроб над землёю зависнет.
«Не пёс на цепи, но в цепи неразрывной звено», –
Промолвит такое и от удивленья присвистнет.

Лев Лосев

7). Лосев. «Как солнечен день в ожиданье гостей...»

Лев Лосев. Гости

1.

Как солнечен день в ожиданье гостей!
Приедут вот-вот, привезут новостей,
С гостинцами пухлые сумки,
И общий огонь нас прожжёт до костей,
Когда опрокинем по рюмке.

И наш разговор с убыстреньем пойдёт,
Как мельницы Шуберта водоворот,
Всё-всё в себя вовлекая,
И недруг вдали непременно помрёт,
Икая, икая, икая.

2.

Была унесена посуда.
Была продолжена беседа.
И шла, и шла, и шла, покуда
Не подошла пора обеда.

Была принесена посуда.
Беседа. Стук ножей и вилок.
Ах, жизнь по сути только сумма
Таких минут неуловимых.

3.

«А может, ещё, на посошок?»
«Да нет, нам пора в дорогу.
А ты бы, что ли, лампу зажжёт,
Зажжёт бы её, ей-богу.»

Простыл на снегу протектора след.
Я посуду вымыл и вытер.
А свет – для чего мне включать этот свет,
Чего я при нём не видел?

28). Л. Лосев. «Мышек не слишком проворные
тушки»

* * *

Цитата – цикада.
Мандельштам

1

Мышек не слишком проворные тушки
мешкают в жухлой траве.
Остов оржавевшей раскладушки
на заглохшей тропе.
Крепкое, вьющееся продето
сквозь бесхозный скелет.
Господи! за какое-то лето,
за какие-то несколько лет
узловатое виноградное вервие
все успевает увить.
Маленький ястреб сидит на дереве,
смотрит, кого бы убить.

2

Превращенье зелёного в жёлтое,
застывать на твоём рубеже,
как усталый Толстой пришёптывая:
е. б. ж., е. б. ж., е. б. ж.
Небожитель следит внимательно
голубым холодным зрачком,
как стоит и бормочет матерно
мальчик, сделавшийся старичком.

3

Озябший, рассеянный, почти без просыпа
пивший, но протрезвевший, охватываяй

взглядом пространство имени Осипа
Мандельштама и Анны Ахматовой.
Отхвати себе синевы ломоть
да ступай себе свою чушь молоть
с кристаллической солью цитат, цитат
да с надеждой, что всё тебе простят.

29). — // — «Прошла суббота ...»

Прошла суббота, даже не напился;
вот воскресенье, сыро, то да сё;
в окошке дрозд к отростку прилепился;
то дождь, то свет; но я вам не Басё.
Провал, провал. Играют вяло капли,
фальшивит дрозд, пережимает свет,
как будто бы в России на спектакле
в провинции, где даже пива нет.
Приплёлся друг, потом пришли другие.
И про себя бормочешь: Боже мой,
так тянутся уроки ностальгии,
что даже и не хочется домой,
туда, где дождь надсадный и наждачный,
в ту даль, где до скончания веков
запачканный, продрогший поезд дачный
куда-то тащит спящих грибников.

«...Лосев – великолепный поэт. ... один из самых замечательных
ныне живущих поэтов», – так Руслан отзывался о Льве Лосеве.
(Это было сказано на поэтическом вечере в 2001 году, когда Лев
Лосев был жив. Поэт умер в 2009 г. – СГ). Возможно, для Руслана
имела значение дружба поэта с Иосифом Бродским, но Руслану и
просто нравились его стихи. И свидетельство тому – три
стихотворения, помещённые в список. Кроме того, в одной из
своих тетрадей Руслан записал стихотворение Л. Лосева
«Деньги».

Однажды Руслан дал мне почитать сборник Льва Лосева «Собранное. Стихи. Проза». И сказал, что, если стихи мне не понравятся, то всё, мы не знакомы. А я, в свою очередь, дал ему книгу Лосева – биографию Иосифа Бродского.

Эту книгу, вышедшую в серии «Жизнь замечательных людей», я приобрёл в конце 2000-х годов и первый, кому я дал прочесть её (хотя сам не прочитал), естественно, был Руслан. Руслан был очень высокого мнения о биографии Бродского, написанной Лосевым:

– ... это идеальная книга. Я таких биографий больше не читал. Там написано всё, что нужно, и не сказано ничего того, чего не нужно говорить... Лосев написал идеальную биографию.

В «Дилижансе» не было отдельного разговора, посвящённого Льву Лосеву, но Руслан рассказывал о нём на вечерах Иосифа Бродского.

– ... После отъезда Бродского, вот этот сам факт отъезда Бродского привёл к тому, что в русской поэзии появился, я считаю, один из самых замечательных ныне живущих поэтов – Лев Лосев. Лев Лосев тогда, в 1972 году, работал редактором известного тогда журнала «Костёр». Он помогал Бродскому как-то зарабатывать, с переводами...

Лев Лосев, кстати, опубликовал первое стихотворение Бродского в массовой печати, стихотворение про парходик в детском журнале...

Наконец, Лосев упоминается в стихотворении «Круг чтения», в котором Руслан перечисляет читаемых поэтов и которое помещено в послесловии.

Журнальные публикации

Руслан регулярно просматривал в библиотеке литературно-художественные журналы – «Новый мир», «Знамя», «Звезда», «Иностранная литература». Из них он выбирал интересные публикации, в основном поэтические, которыми обычно делился с нами. Часто авторами были неизвестные или малоизвестные поэты. Довольно много таких стихов Руслан переписал в свои тетради. А некоторые из них попали и в список любимых стихотворений. Дальше приведём некоторые стихи из списка, которые – это можно предположить с большой вероятностью – выбраны Русланом из журнальных публикаций.

Михаил Поздняев, Вадим Жук

8). *Жук? Поздняков? «Совершилось. Днесь мне подарена книга...»*

9). — // — . *«Всё правда, прохладно и Пётр привратник...»*

По какому-то недоразумению Руслан запутался в авторстве этих двух стихотворений. Первое написал московский поэт и журналист Михаил Поздняев. Несколько его стихов вошли в «Антологию русской поэзии» Евгения Евтушенко. А Руслана привлекло стихотворение под названием «Дар».

Михаил Поздняев. Дар

Совершилось. Днесь мне подарена книга,
содержанье которой покуда в тумане,
смысл гадателен, но какова интрига:
свет лиется, лиется во тьме, и тьма не
обымет. Язык мне её неведом,
я вообще неграмотный, если честно.
Только дело не в этом, совсем не в этом,
дело в том, что книга сия – чудесна.

И тому, кто с трепетом созерцает
её буквицы и вдыхает страстно
аромат пергамента, свет мерцает
среди ночи. И всё становится ясно.

Книга, книга! Чем я, урод, калека,
заслужил благодать целовать страницы,
источающие дикий мёд и млеко?

Нет, чтобы мне смыться, посторониться –
нет, беру её неуклюже в руки,
всё ещё не веря в чудо подарка,
и целую в благоговейной муке,
как язычник Евангелие от Марка.

Автор второго стихотворения – Вадим Жук, ленинградский драматург, актёр, телеведущий. Он был известен телезрителям, как автор и участник юмористических передач и актёрских капустников. «Но прежде всего Жук – лирик. Нежный, тонкий, ранимый. Сочинитель своего пространства, внутри которого строфы связываются в смыслы, образуя целое». (Новая газета, 31 января 2018 г., № 10).

Вадим Жук. Утро

Всё это правда. Прохладно. И Пётр-привратник,
Крепкой рукой отпирающий крепкий замок.
Плотное небо. И плотно застёгнутый ватник.
Зябко святому, и сам ты, понятно, продрог.
Столик в сторожке. Замызганный чайник на плитке.
Банка с заваркой. «К пакетикам я не привык».
Тихая музыка. «Бах?», «Почему? Это Шнитке».
Вроде старик. Приглядишься – совсем не старик.
«Я, значит, вроде покойник?», «Вы переселенец.
Саженец, беженец, бомж. Но, конечно, пока,
Нечего вам беспокоиться, всё перемелется,
Как говорится в пословице, будет мука».

«А изменить ударенье – получится «мука».
«Эка проквасила вас со словами игра».
Музыка кончилась. Ходики только. Ни звука.
Ходики. Значит, что время осталось? «Пора».
Дальше тропинка? Просёлок? Движение – точно.
Ужас и радость – сейчас я увижу Творца.
Нет никакого престола, сияния... «Отче!»
Господи! Как он безумно похож на отца!
Ближе к нему! На колени упасть, прикоснуться,
К мокрой шинели – щекою, не чувствуя ног...
«Папа! Мне это приснилось? Мне можно проснуться?
Папа! Я больше не буду!». «Посмотрим, сынок»
16.5.03

Илья Плохих

*10). «За рычагами большого крана она сидела на
стройке дома».*

В списке Руслана под десятым номером записан этот отрывок из какого-то стихотворения. Автор не указан. В одной из записных книжек Руслана находим следующую запись:

Не помню, чьё, но помню наизусть:

*«За рычагами большого крана
Она сидела на стройке дома».*

Автор стихотворения, из которого Руслан выписал эти строчки, – московский поэт Илья Плохих. К тому времени, когда Руслан составлял свой список, у И. Плохих было несколько журнальных публикаций.

Илья Плохих. Демон

За рычагами большого крана
она трудилась на стройке дома.
Была окрестностей панорама
до каждой мелочи ей знакома.

Она не очень такой любила
пейзаж, в размытых дождями красках.
С утра до ночи ей «майна-вира»
кричали снизу мужчины в касках.

Всегда хотелось кого-то ближе,
но отсылались обратно сваты.
Все были ниже: прораб и иже,
а выше были лишь стратостаты.

Лишь одинокий пустыни житель,
ещё гонимый своей враждою
к ней, как в монашескую обитель,
влетал погасшей давно звездою.

От первородной смертельной скуки
вновь достигая бывшего жара,
он обжигал ей лицо и руки
и, забываясь, шептал: «Тамара, –
шептал, – и будешь царицей мира».
Не долетало наверх ни звука
от тех, что снизу кричали: «Ира,
ты чё, совсем там пристыла, сука?!»

Ксения Дьяконова

*36). Ксения Дьяконова. «Вы бы хотели жить,
избежав труда*

* * *

Вы бы хотели жить, избежав труда,
просто читать, писать, говорить с друзьями,
в тайном родстве с огнём и чужими снами?
Да я сказала да я хочу да

Вы бы хотели так полюбить кого-то
(не причиняя даже себе вреда),
чтобы все звездочёты сбились со счета?
я сказала да я хочу да

Вы бы хотели, чтобы любую фразу
вашу шептали сосны или вода?
Да я сказала да я хочу да
но не сейчас, помилуйте, но не сразу!

Ксения Дьяконова в большую поэзию вошла ещё в юном возрасте. В журнале «Звезда» к одной из первых поэтических подборок шестнадцатилетней Ксении предисловие написал Александр Кушнер:

– Чем привлекательны её стихи? Тем, что их яркая метафоричность не торчит из стихов, как нечто броское и самодостаточное, но подчинена оригинальной мысли, подлинному чувству, не отслаивается, не навязана стихам извне, а вырастает из них, соприродна складу ума и дарования.

Ксения Дьяконова родилась в 1985 году в Ленинграде. Вместе с родителями переехала в Испанию, окончила филологический факультет Барселонского университета. Писала стихи и критические заметки о современной литературе, читала лекции, переводила каталонских поэтов на русский язык и наоборот – русские стихи и прозу (в том числе стихи Н. Гумилёва) на каталонский язык. К тому времени, когда Руслан Сидоров решил поместить её стихотворение в свой список, у Ксении Дьяконовой было три изданных стихотворных сборника и около двадцати журнальных публикаций. Критики считают, что её поэзия основана на русской литературной традиции и, благодаря присутствию в ней местных реалий, представляет собой «барселонский вариант классической петербургской лирики».

Стивен Крейн, Эдвард Эстлин Каммингс

*12). Стивен Крейн. «Жил-был человек деревянный
язык»*

* * *

Жил-был человек – деревянный язык
И пробовал петь
И поистине жалкие были потуги
Но был один который слушал

Как колотится деревянный язык
И понимал о чем тот человек
Пытается петь
И певец был рад ибо он был понят.

Перевод Владимира Британишского.

Руслан читал и знал американскую литературу. Если говорить о поэзии, то в круг его интересов входили У. Уитмен, Э. По, Т.С. Элиот, Р. Фрост, У.Х. Оден, К. Сэндберг и другие поэты. Стихи некоторых из них Руслан читал на поэтических вечерах, о других можно найти упоминания в его тетрадах.

Как мы видим, привлёк его внимание и Стивен Крейн, американский поэт, прозаик, журналист второй половины XIX века, оказавший большое влияние на англоязычную литературу.

Другим американским поэтом в этом списке, фамилию которого Руслан, видимо, забыл, стал художник и литератор Эдвард Эстлин Каммингс, «нестандартный» поэт, авангардист, экспериментатор и бунтарь в поэзии.

Американ? 35). «...иди ко мне, моя радость, давай поспим»

Эдвард Эстлин Камминг

* * *

если поесть нельзя так попробуй
закурить но у нас ничего не осталось
чтобы закурить; иди ко мне моя радость
давай поспим
если закурить нельзя так попробуй
спеть но у нас ничего не осталось
чтобы спеть; иди ко мне моя радость
давай поспим
если спеть нельзя так попробуй
умереть но у нас ничего не осталось

чтобы умереть; иди ко мне моя радость
давай поспим
если умереть нельзя так попробуй
помечтать но у нас ничего не осталось
чтобы помечтать (иди ко мне моя радость
Давай поспим)

Перевод Владимира Британишского.

Вислава Шимборская

38). *В. Шимборска. «Обезьяны Брейгеля».*

Вислава Шимборская. Две обезьяны Брейгеля

Таков мой вечный экзаменационный сон:
в окне сидят две обезьяны, скованные цепью,
а за окном
плещется море и порхает небо.

Сдаю историю людей.
Плету и заикаюсь.

Глядит с иронией одна из обезьян,
другая как бы спит в оцепененье,
когда же на вопрос молчу, замаявшись, я,
она подсказывает мне
тихим позвякиванием цепи.

Перевод Натальи Астафьевой

Вислава Шимборская – польская поэтесса, лауреат Нобелевской премии 1996 года. Нобелевский комитет назвал её «Моцартом поэзии». Руслан увлёкся её поэзией, а стихотворение «Две обезьяны Брейгеля» приводило его в восторг. Руслан вычитал его в журнале «Иностранная литература», он сам об этом говорил (интернет подтверждает: «Две обезьяны Брейгеля» напечатаны в пятом номере журнала за 2003 год – СГ).

Насколько я помню, на обложке журнала была иллюстрация как раз к стихотворению В. Шимборской – репродукция картины Питера Брейгеля Старшего «Две обезьяны на цепи». На ней изображены сидящие в оконном проёме две обезьяны, прикованные цепью к одному кольцу. Небольшая по размеру, эта картина породила много догадок относительно своего скрытого смысла.

Руслан несколько раз читал это стихотворение на поэтических вечерах. Точно помню – на вечерах, где речь шла о европейских поэтах XX века, о поэтах – нобелевских лауреатах, возможно, на обзоре журнальных поэтических публикаций, на вечере свободного микрофона. Все, кто слушал Руслана, знают его своеобразную манеру чтения стихов, ничего общего не имеющую со школярским «читать с выражением». Вот и это стихотворение он читал, не повышая голоса, то замедляя, то словно бы слегка запинаясь, а на последних строчках помогая себе движением руки так, что мы вместе с ним пытались вникнуть в это позвякивание цепи на жизненном экзамене.

А в начале 2012 года мы узнали печальную новость – Вислава Шимборская умерла, полтора года не дожив до своего 90-летия.

Осип Мандельштам

13). *О. Мандельштам. «Ещё далеко мне до патриарха»*

* * *

Ещё далёко мне до патриарха,
Ещё на мне полупочтенный возраст,
Ещё меня ругают за глаза
На языке трамвайных перебранок,
В котором нет ни смысла, ни аза:
– Такой-сякой! – Ну что ж, я извиняюсь,
Но в глубине ничуть не изменяюсь...

Когда подумаешь, чем связан с миром,
То сам себе не веришь: ерунда!
Полночный ключик от чужой квартиры,
Да гривенник серебряный в кармане,
Да целлулоид фильмы воровской...

Я, как щенок, кидаюсь к телефону
На каждый истерический звонок:
В нем слышно польское: "Дзенькуе, пани",
Иногородний ласковый упрёк
Иль неисполненное обещанье.

Всё думаешь, к чему бы приохотиться
Посреди хлопшек и шутих,
Перекипишь, а там, гляди, останется
Одна сумятица да безработица:
Пожалуйста, прикуривай у них!

То усмехнусь, то робко приосанюсь
И с белорукой тростью выхожу, –
Я слушаю сонаты в переулках,
У всех лотков облизываю губы,

Листаю книги в глыбких подворотнях,
И не живу, и всё-таки живу.

Я к воробьям пойду и к репортёрам,
Я к уличным фотографам пойду,
И в пять минут – лопаткой из ведёрка –
Я получу своё изображение
Под конусом лиловой шах-горы.

А иногда пущусь на побегушки
В распаренные душные подвалы,
Где чистые и честные китайцы
Хватают палочками шарики из теста,
Играют в узкие нарезанные карты
И водку пьют, как ласточки с Янцзы.

Люблю разъезды скворчущих трамваев,
И астраханскую икру асфальта,
Накрытого соломенной рогожей,
Напоминающей корзинку асти,
И страусовы перья арматуры
В начале стройки ленинских домов.

Вхожу в вертепы чудные музеев,
Где пучатся кашеевы Рембрандты,
Достигнув блеска кордованской кожи,
Дивлюсь рогатым митрам Тициана,
И Тинторетто пёстрому дивлюсь, –
За тысячу крикливых попугаев.

И до чего хочу я разыгаться,
Разговориться, выговорить правду,
Послать хандру к туману, к бесу, к ляду,
Взять за руку кого-нибудь: – Будь ласков, –
Сказать ему, – нам по пути с тобой.

*– Вот это стихотворение – одно из немногих, где
Мандельштам говорит от первого лица. Он ещё редко
позволяет себе такое. Но тем более, тем более это
стихотворение знаменательно. Тем более оно поражает своей*

пронзительностью, какой-то обнажённой искренностью, – так Руслан прокомментировал это стихотворение. Он прочитал его на вечере, посвящённом творчеству О.М. Мандельштама.

Афиша вечера «Творчество Мандельштама». 9 января 2001 г.

Мандельштам был одним из самых любимых поэтов Руслана Сидорова. Как сказал он на вечере, Мандельштама он назвал бы для себя Иосифом III, поскольку для него существуют три Иосифа: Иосиф Библейский, Иосиф II – это Бродский и Иосиф III – это Мандельштам. В творчестве Руслана мы постоянно встречаемся с заимствованиями, цитатами, аллюзиями, отзвуками, напоминаниями о строчках и образах Осипа Мандельштама.

Имя Мандельштама можно увидеть и в отрывочных записях-размышлениях, которые нередко встречаются среди стихов в черновиках Руслана. В следующей записи, кстати, есть отрывок из стихотворения «Ещё далёко мне до патриарха...»:

«Ольга тебе не говорила, что я «люблю» Мандельштама? Знаешь, за что? А вот послушай.

«С миром державным я был лишь ребячески связан...»

*«Я буду метаться по табору улицы чёрной
за веткой черёмухи в чёрной рессорной карете...»*

*«...Когда подумаешь, чем связан с миром,
то сам себе не веришь: ерунда!*

*Полночный ключик от чужой квартиры,
да гривенник серебряный в кармане...»*

*Отдельные строки, из разных вещей, но мне кажется:
вполне достойно, чтобы понять его и мою привязанность
(сочувствие, со-чувствие!) к его стихам».*

Тимур Кибиров

14). Т. Кибиров. «Пахнет дело моё керосином»

Тимур Кибиров. Сквозь прощальные слёзы Вступление

Пахнет дело моё керосином,
Керосинкой, сторонкой родной,
Пахнет «Шипром», как бритый мужчина,
И как женщина – «Красной Москвой»
(Той, на крышечке с кисточкой), мылом,
Банным мылом да банным листом,
Общепитской подливкой, гарниром,
Пахнет булочной там, за углом.

Чуешь, чуешь, чем пахнет? – Я чую,
Чую, Господи, нос не зажму –
«Беломором», Сучаном, Вилюем,
Домом отдыха в синем Крыму!

Пахнет вываркой, стиркою, синькой;
И на ВДНХ шашлыком,
И глотком пертуссина, и свинкой,
И трофейным австрийским ковром,
Свежеглаженным галстуком алым,
Звонким штандыром* на пустыре,
И вокзалом, и актовым залом,
И сиренью у нас на дворе.

Чуешь, сволочь, чем пахнет? – Ещё бы!
Мне ли, местному, нос воротить? –
Политурой, промасленной робой,
Русским духом, едрить-колотить!

Вкусным дымом пистонов, карбидом,
Горем луковым и огурцом,
Бигудями буфетчицы Лиды,
Русским духом, и страхом, и мхом.

Заскорузлой подмышкой мундира,
И гостиницей в Йошкар-Оле,
И соляркою, и комбижиром
В феврале на холодной заре,

И антоновкой ближе к Калуге,
И в моздокской степи анашой,
Чуешь, сука, чем пахнет?! – и вьюгой,
Ой, вьюгой, воркутинской пургой!

Пахнет, Боже, сосновой смолою,
Ближним боем да раной гнилой,
Колбасой, колбасой, колбасою,
Колбасой – всё равно колбасой!

Неподмытым общаговским блюдом,
И бензином в попутке ночной,
Пахнет Родиной – чуешь ли? – чудом,
Чудом, ладаном, вестью Благой!

Хлоркой в пристанционном сортире,
Хвоей в предновогоднем метро.
Постным маслом в соседской квартире
(Как живут они там впятером?

Как ругаются страшно, дерутся...)
Чуешь – Русью, дымком, портвешком,
Ветеранами трёх революций,
И ещё – леденцом-петушком.

Пахнет танцами в клубе совхозном
(Ох, напрасно пришли мы сюда!),
Клейкой клятвой листвы, туберозной
Пахнет горечью, и никогда,

Навсегда – канифолью и пухом,
Шубой, Шубертом... Ну, задолбал!

Пиром духа, пацан, пиром духа,
Как Некрасов В.Н. написал!

Пахнет МХАТом и пахнет бытовкой,
Люберецким дурным кулаком,
Елисейским и Третьяковкой,
Русью пахнет, судьбою, ГОВНОМ.

Чёрным кофе двойным в ЦДЛе.
– Врёшь ты всё! – Ну, какао в кафе,
И урлой**, и сырою шинелью
В полночь на гарнизонной губе.

Хлорпикрином, заманом, заринном,
Гуталином на тяжкой кирзе,
И родимой землёю, и глиной,
И судьбой, и пирожным безе.

Чуешь, чуешь, чем пахнет? – Конечно!
Чую, нюхаю – псиной и сном,
Сном мертвецким, похмельем кромешным,
Мутноватым грудным молоком!

Пахнет жареным, пахнет горелым
Аллергеном – греха не таи!
Пахнет дело моё, пахнет тело,
Пахнут слёзы, Людмила, мои.

04.10.2004

* Штандыр – дворовая игра «Штандыр-стоп».

** Урла – хулиганьё, шпана.

Тимура Кибирова Руслан считал одним из лучших современных поэтов. Ему импонировали разговорная манера, ироничность Кибирова, постоянное цитирование – явное и намёками – известных фраз из литературных произведений, песенных строк, газетных и рекламных штампов. Некоторые из этих качеств были присущи творчеству и самого Руслана. В 2007 г. Руслан провёл поэтический вечер поэзии Тимура Кибирова.

Афиша вечера «Поэт Тимур Кибиров». 16 января 2007 г.

В 2010 году на поэтическом фестивале в Междуреченске Руслан, отвечая на вопрос, кого из современных поэтов он порекомендовал бы почитать начинающим поэтам, Руслан ответил:

– ... из мастеров, уже состоявшихся поэтов с именем, я бы порекомендовал, наверное, Тимура Кибирова, потому что этот человек (он филолог по образованию), как поэт – он мастер. Ему доступно всё: ему доступны маленькие стихотворения, он может писать чуть ли не античной строфикой, ему доступны большие стихотворения. Он написал стихотворение, которое называется «Сортиры». Это история Советского Союза, которая выстроена из описания туалетов. Одних туалетов: сельских, общественных, которые год от года менялись. Совершенно потрясающий поэт. Кибирова – да, стоит [читать]. Он умный, он ироничный и он очень поэтический. Поэзия чистой воды там, лирика чистой воды в нём присутствует. Его бы я обязательно посоветовал.

В черновиках Руслана было найдено стихотворение, написанное то ли под влиянием Кибирова, то ли в стиле Кибирова, то ли как пародия на него.

* * *

*Что горюешь, добрый молодец,
Хочешь, дам совет душевный? –
Оглянись на свою молодость,
Как она похорошела!*

Т.К.

*Кимуров Тибир покоряет Тибет,
Памир покоряет и прочий Кавказ.
Идет без страховки и без рюкзака.*

*Спускается с горок и едет в сюда
Тибиров на ослике и налегке.
Смиряет и лирой берёт города,
Лишь перистый «Паркер» порхает в руке.*

*Тимуров не парится с рифмой словес.
Известное с детства: «извёстка», «трюмо»,
«колхоз», «облигация», «КПСС»,
«бюстгалтер», «бухгалтер», «Агдам», «Беломор».*

*И варешки – да? На верёвочке – да!
Пропущены сквозь рукава и штаны.
Столица казахская Алма-Ата,
И нету другой никакой Астаны.*

*Кимура встречают. Тибиру поют
Шульженко, Вертинский, кудрявый Кобзон,
И честь отдают: рукосгибный салют,
Костер с пионером, с кольцом Альманзор.*

*Люминовый вносят поднос из трёх блюд:
Пюрешка с котлеткой, и борщ, и компот,
И коржик за восемь копеек дают,
И дарят поделки: «Варяг в Чемульпо»,*

*Картонный макет легендарной арбы,
И Главного лысого – кепка, рука,
И «Но пасаран!», и никто не забыт,
И славное море священный Байкал.*

*Он в актовом зале. И время – назад.
Свежи и юны атавизм, рудимент.
О, вечная молодость! Слёзы в глазах.
И взрыв – продолжительный аплодисмент.*

*Оваций волна. Айвазовского вал.
Украшен корзинами пламенных роз
За то, что он к павшему милость призвал
И розовым цветом закрасил некроз.*

*За царственность чувства гордиться стране,
Где Флаги, Гагарин, Балет и ГУЛАГ,
Где Зита и Гита с анислагом в кине,
Где эмалированы таз и дурилаг,*

*С дощатым щелястым сортиром, с ковром,
С оленем из плюша и с мишкой без лап,
За мелочи жизни домов и дворов
Хвала и халва всем! Халва и хвала!*

Владимир Лифшиц

16). *Лившиц. «Ах, как нам было весело»*

Джемс Клиффорд. Отступление в Арденнах

Ах, как нам было весело,
Когда швырять нас начало!
Жизнь ничего не весила,
Смерть ничего не значила.
Нас оставалось пятеро
В промозглом блиндаже.
Командованье спятило
И драпало уже.
Мы из консервной банки
По кругу пили виски,
Уничтожали бланки,
Приказы, карты, списки,
И, отдалённый слыша бой,
Я – жалкий раб господен –
Впервые был самим собой,
Впервые был свободен!
Я был свободен, видит бог,
От всех сомнений и тревог,
Меня поймавших в сети.
Я был свободен, чёрт возьми,
От вашей суетной возни
И от всего на свете!..
Я позабуду мокрый лес,
И тот рассвет, – он был белес, –
И как средь призрачных стволов
Текло людское месиво,
Но не забуду никогда,
Как мы срывали провода,
Как в блиндаже приказы жгли,

Как всё крушили, что могли,
И как нам было весело!

Это стихотворение очень нравилось Руслану – так можно сказать без малейшей натяжки. Он не раз читал его на наших собраниях в «Дилижансе», когда предоставлялся подходящий случай. Читал, сопереживая, улыбаясь («Ах, как нам было весело!»), не скрывая, какое удовольствие он получает при этом.

Он же рассказал, как появилось это стихотворение. В начале 1960-х годов в одной батумской газете были опубликована подборка стихов англичанина Джемса Клиффорда. Как было сказано, тетрадь со стихами была найдена в ранце английского солдата, погибшего во время боёв в Арденнской операции «при отражении немецкой танковой атаки».

Переводчиком был поэт Владимир Лифшиц, фронтовик, участник финской и Великой Отечественной войн. Кроме своих стихов, он был известен как автор текстов песен к известным кинофильмам (например, песни «Пять минут» или куплетов о Танечке в «Карнавальная ночь»), а ещё он был одним из литературных «отцов» знаменитого «людоведа и душелюба» Евг. Сазонова в «Литературной газете». Можно упомянуть также, что он был отцом (настоящим отцом) поэта Льва Лосева.

Хотя о Джемсе Клиффорде раньше никто не слышал, его стихи стали популярны. Они привлекли внимание известных литераторов (Е.А. Евтушенко, например), были перепечатаны ещё в нескольких изданиях.

И лишь несколько человек знали, что Джемса Клиффорда, героического поэта-фронтовика, никогда не существовало. Его выдумал «переводчик» – Владимир Лифшиц, настоящий автор нашумевших текстов. Выдумал для того, чтобы провести в советскую печать свои идеологически сомнительные стихи. Он же придумал вполне правдоподобную биографию Джемса Клиффорда.

Действительно, трудно представить, чтобы в официальной печати появилось бы одно из ключевых стихотворений газетной подборки с такими строками:

*Командованье спятило
И драпало уже.*

Но если так написал иностранный автор, если солдаты в блиндаже пьют виски, а не водку, если драпающее командование принадлежит другой армии, и если всё происходит в Арденнских лесах, то это вполне можно напечатать.

В этом стихотворении Владимир Лифшиц поднимает тему свободы на войне – тему, к которой спустя годы после войны обращались поэты, особенно поэты-фронтовики. («И, отдалённый слыша бой, / Я – жалкий раб господен – / Впервые был самим собой, / Впервые был свободен!»)

Эта литературная мистификация продолжалась около десяти лет. В 1974 г. В. Лифшиц решил раскрыться. Готовя к печати сборник стихов, он к биографии Джемса Клиффорда сделал приписку:

– Такой могла бы быть биография этого английского поэта, возникшего в моем воображении и материализовавшегося в стихах, переводы которых я предлагаю вашему вниманию.

Для лучшего представления приведём ещё одно стихотворение Клиффорда-Лифшица. Его тоже трудно было представить написанным нашим автором о нашей жизни и опубликованным в нашей печати.

Квадраты

И всё же порядок вещей нелеп.
Люди, плавающие металл,
Ткущие ткани, пекущие хлеб,
Кто-то бессовестно вас обокрал.

Не только ваш труд, любовь, досуг –
Украли пытливость открытых глаз;
Набором истин кормя из рук,
Уменье мыслить украли у вас.

На каждый вопрос вручили ответ.
Всё видя, не видите вы ни зги.
Стали матрицами газет
Ваши безропотные мозги.

Вручили ответ на каждый вопрос...
Одетых и серенько и пестро,
Утром и вечером, как пылесос,
Вас засасывает метро.

Вот вы идёте густой икрой,
Все, как один, на один покрой,
Люди, умеющие обувать,
Люди, умеющие добывать.

А вот идут за рядом ряд –
Ать –

ать –

ать –

ать, –

Пока ещё только на парад,
Люди, умеющие убивать...

Но вот однажды, средь мелких дел,
Тебе дающих подножный корм,
Решил ты вырваться за предел
Осточертевших квадратных форм.

Ты взбунтовался. Кричишь: – Крадут!... –
Ты не желаешь себя отдать.
И тут сначала к тебе придут.
Люди, умеющие убеждать.

Будут значительны их слова,
Будут возвышенны и добры.
Они докажут, как дважды два,
Что нельзя выходить из этой игры.

И ты раскаешься, бедный брат.
Заблудший брат, ты будешь прощён.
Под песнопения в свой квадрат
Ты будешь бережно возвращён.

А если упорствовать станешь ты:
Не дамся!.. Прежнему не бывать!..

Неслышно явятся из темноты
Люди, умеющие убивать.

Ты будешь, как хину, глотать тоску,
И на квадраты, словно во сне,
Будет расчерчен синий лоскут
Чёрной решеткой в твоём окне.

Иннокентий Анненский

17). *И. Анненский. В кругу миров.*

Иннокентий Анненский. Среди миров

Среди миров, в мерцании светил
Одной Звезды я повторяю имя...
Не потому, чтоб я Её любил,
А потому, что я томлюсь с другими.

И если мне сомненье тяжело,
Я у Неё одной молю ответа,
Не потому, что от Неё светло,
А потому, что с Ней не надо света.

Это стихотворение, написанное И.Ф. Анненским в самом конце жизни, вошло в его посмертный сборник «Кипарисовый ларец». Читателю импонирует исповедальная форма стиха, в котором среди миров и светил воссоздается космический мир чувств и переживаний лирического героя. Подкупает также гармония стиха, которую интуитивно чувствует читатель. Думаю, всё это и побудило Руслана занести это стихотворение в список любимых.

Несомненно, Руслан видел и художественные приёмы, в частности, то, что каждая строфа стихотворения заканчивается анафорой – повторением одних и тех же слов:

Не потому, что...

А потому, что...

Наконец, Руслан не мог не отметить одиночества героя, у которого никого нет, кроме зыбкой, мерцающей Звезды, скорее воображаемой, чем реальной. Одиночество было хорошо знакомо Руслану, ибо при всей его общительности, при всех друзьях и подругах он оставался глубоко одиноким со своим мироощущением, со своим талантом. Об этом его стихи...

* * *

*Одиночество – норма. Всеобщий удел.
Одиночество душ, что живут у тел.
Одиночество пишет судьбу и стих.
И любовь – одиночество на двоих.
И чего восклицать, если так всегда.
В одиночестве падает в ночь звезда,
И восходит солнце, чтоб видеть мог
По подобию всех – одинокий Бог.*

Очень подробно об И.Ф. Анненском Руслан рассказал на публичной лекции «Физики и лирики» в 2011 году. («Потрясающий поэт какой-то. Я его где-то понимаю, где-то не понимаю...»). А закончил рассказ о поэте (да и всю лекцию) стихотворением «Среди миров, в мерцании светил...», отрекомендовав его такими простыми словами:

– Закончу вот таким стихотворением Анненского... Оно как раз в тему, потому что мы о свете говорили, ну и чуть-чуть о тьме. Его все знают, но оно от этого не делается хуже.

И прочитал... Трепетно, негромко. Прочитал, бережно проговаривая слова, будто укладывая их одно к другому. А нам оставалось вслушиваться в гармонию звуков и видеть одухотворённое лицо Руслана.

Велимир Хлебников

19. В. Хлебников. «Когда умирают травы, они сохнут»

* * *

Когда умирают кони – дышат,
Когда умирают травы – сохнут,
Когда умирают солнца – они гаснут,
Когда умирают люди – поют песни.

1912

Велимир (Виктор Владимирович) Хлебников – один из наиболее ярких и необычных поэтов XX века, экспериментатор и реформатор поэтического языка. Крупный деятель русского авангарда, один из основоположников футуризма. Одно время увлекался философией и писал глубокомысленные короткие стихи, часто без рифмы, в которых рассуждал о смысле жизни.

К таким произведениям можно отнести и стихотворение «Когда умирают кони – дышат...», занесённое Русланом в свой список. Смысл четверостишья не поддаётся простому толкованию. Известный литературовед Олег Лекманов, например, считает, что поэт здесь говорит о том, что всё в мире умирает и исчезает бесследно – кони, травы, солнца. Только люди, уходя, оставляют память о себе – о них поют песни.

Можно лишь предполагать, чем же привлекло Руслана это стихотворение. Возможно, экспериментаторством, глубинным смыслом, не лежащим на поверхности, или таким художественным приёмом, как анафорой – четырёхкратным повторением начальных слов. Всё это встречается и в стихах самого Руслана. А может, краткостью – Руслан ведь тоже писал четверостишья.

Руслан уже обращался к творчеству Велимира Хлебникова:

* * *

*Мне так не хочется на бой,
«...туда – на жизнь, на торг, на рынок...».*

*Единства, а не поединка,
Согласия с самим собой.*

*Пусть впереди не всё темно –
Урод живет противу правил –
Мне хочется немых кино
И чёрно-белых фотографий.*

Вторая строчка в этом раннем стихотворении Руслана – это цитата из четверостишья В. Хлебникова:

* * *

Сегодня снова я пойду
Туда, на жизнь, на торг, на рынок,
И войско песен поведу
С прибоем рынка в поединок!

1914

Стихотворение Руслана также нельзя отнести к простым и понятным с первого взгляда. Рискну предложить своё понимание, не считая его абсолютно верным или единственно возможным. Разговор ведётся от первого лица. Мне не хочется на бой, говорит герой стихотворения, на тот бой, где духовность сражается с делячеством. Я хочу единства, я хочу согласия с самим собой и не хочу поединка.

И дальше в том же ключе вторая строфа. Пусть впереди, в рыночном будущем не всё плохо, есть и хорошее. Но я живу не по правилам, можете считать меня уродом. Мне всё равно хочется прежней душевной идиллии, когда кино было немым, а фотографии – чёрно-белыми.

Дмитрий Быков

21). *Быков. Жизнь выше литературы.*

Жизнь выше литературы, хотя и скучнее стократ.
Все наши фиоритуры не стоят наших затрат.
Умение строить куры, искусство уличных драк –
Всё выше литературы. Я правда думаю так.

Покупка вина, картошки, авоська, рубли, безмен
Важнее спящих в обложке банальностей и подмен.
Уменье свободно плавать в пахучей густой возне
Важнее уменья плавить слова на бледном огне.

Жизнь выше любой удачи в познании ремесла,
Поскольку она богаче названия и числа.
Жизнь выше паскудной страсти её загонять в строку,
Как целое больше части, кипящей в своём соку.

Искусство – род сухофрукта, ужатый вес и объём,
Потребный только тому, кто не видел фрукта живьём.
Страдальцу, увы, не внове искать забвенья в труде,
Но что до бессмертия в слове – бессмертия нет нигде.

И ежели в нашей братье найдётся один из ста,
Который пошлёт проклятье войне пера и листа,
И выскочит вон из круга в разомкнутый мир живой –
Его обниму, как друга, к плечу припав головой.

Скорее туда, товарищ, где сплавлены рай и ад
В огне весёлых пожарищ, – а я побреду назад,
Где светит тепло и нежаше убогий настольный свет –
Единственное прибежище для тех, кому жизни нет.

1996

Руслан не раз читал стихи Дмитрия Быкова и вообще был неравнодушен к этому талантливому и немного эпатажному литератору – журналисту, поэту, прозаику, публицисту. Поэтому совсем не удивительно, что Быков попал в список Руслана. Меня удивило то, какое стихотворение выбрал Руслан. Нет, рассуждения о жизни и литературе отнюдь не были чужды Руслану. Причём я бы не сказал, что Руслан стоял на той же точке зрения, что и автор стихотворения. (Хотя с мнением автора не всё просто и понятно, т.к. стихотворение имеет некоторый налёт иронии и даже провокационности).

У Дмитрия Быкова есть другое стихотворение, которое называется «Басня» – этакая инверсия на тему сюжета о стрекозе и муравье. Руслан несколько раз читал эту «Басню» на поэтических вечерах, дважды оно появляется переписанным в тетрадах Руслана. Я считал, что Руслану оно ближе.

Рискуя отойти от темы – списка любимых стихотворений Руслана, – приведу «Басню» Д. Быкова.

Дмитрий Быков. Басня

Да, подлый муравей, пойду и попляшу,
И больше ни о чем тебя не попрошу.
На стёклах ледяных играет мёртвый глянец.
Зима сковала пруд, а вот и снег пошёл.
Смотри, как я пляшу, последний стрекозёл,
Смотри, уродина, на мой последний танец.

Ах, были времена! Под каждым мне листком
Был столик, вазочки, и чайник со свистком,
И радужный огонь росистого напитка...
Мне только то и впрок в обители мирской,
Что добывается не потом и тоской,
А так, из милости, задаром, от избытка.

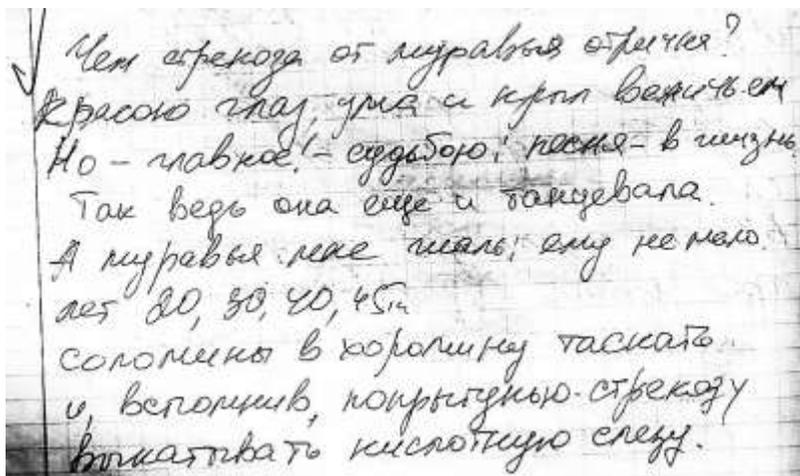
Замёрзли все цветы, ветра сошли с ума,
Все, у кого был дом, попрятались в дома,
Согбенные рабы соломинки таскают...
А мы, негодные к работе и борьбе,

Умеем лишь просить «Пусти меня к себе!» –
И гордо подыхать, когда нас не пускают.

Когда-нибудь в раю, где пляшет в вышине
Весёлый рой теней, – ты подползёшь ко мне,
Худой, мозолистый, угрюмый, большеротый, –
И, с завистью следя воздушный мой прыжок,
Попросишь: «Стрекоза, пусти меня в кружок!» –
А я тебе скажу: «Пойди-ка поработай!»

Крыловский сюжет о стрекозе и муравье мы знаем со школьных времён. Как видим, автор не разделяет взгляда великого баснописца на описанную ситуацию. Надо сказать, что есть люди, в том числе литераторы, которые не согласны с канонической моралью этой истории (если считать, что канон заложен И.А. Крыловым). Кроме приведённой «Басни» Д.Л. Быкова, можно вспомнить рассказ У.С. Моэма «Стрекоза и муравей», а также рассказ В.И. Одноралова с тем же названием. В них симпатии между муравьём и стрекозой распределены вовсе не так, как у Крылова.

Руслан Сидоров имел своё мнение о напряжённых взаимоотношениях между этими двумя насекомыми. У него есть стихотворение, которое можно, не мудрствуя, назвать просто – «Стрекоза и муравей», хотя Руслан оставил его без названия. Оно сохранилось и в аудиозаписи.

Чем стрекоза от муравья отлична?
Красою глаз, улья и крыл величьем
Но – лавка! – судьбою; несня – в жизнь
Так ведь она еще и танцевала.
А муравьям как жаль; ему же мало
лет 20, 30, 40, 45,
соломинку в корзиночку таскать
и, вспомнив, попрыгунью-стрекозу
выкатывать кислотную слезу.

* * *

*Чем стрекоза от муравья отлична?
Красою глаз, ума и крыл величьем,
Но главное – судьбою:
Песня – в жизнь!
Так ведь она ещё и танцевала!
А муравья мне жаль:
Ему не мало,
Лет двадцать, тридцать, сорок, сорок пять
Соломины в хоромину таскать,
И, вспомнив попрыгунью стрекозу,
Выкатывать кислотную слезу.*

Сергей Есенин

22). Есенин. Стихи о собаке

Песнь о собаке

Утром в ржаном закуте,
Где златятся рогожи в ряд,
Семерых оценила сука,
Рыжих семерых щенят.

До вечера она их ласкала,
Причёсывая языком,
И струился снежок подталый
Под тёплым ее животом.

А вечером, когда куры
Обсиживают шесток,
Вышел хозяин хмурый,
Семерых всех поклат в мешок.

По сугробам она бежала,
Поспевая за ним бежать...
И так долго, долго дрожала
Воды незамёрзшей гладь.

А когда чуть плелась обратно,
Слизывая пот с боков,
Показался ей месяц над хатой
Одним из её щенков.

В синюю высь звонко
Глядела она, скуля,
А месяц скользил тонкий
И скрылся за холм в полях.

И глухо, как от подачки,
Когда бросят ей камень в смех,

Покатились глаза собачьи
Золотыми звёздами в снег.
1915

Сергей Есенин был одним из любимых поэтов Руслана, и, конечно, Руслан хорошо знал его творчество. В своих проникновенных воспоминаниях Н.А. Позднякова, бывшая в то время заместителем директора библиотеки им. Н.В. Гоголя, писала:

– Однажды на вечере, посвященном С.Есенину, Руслан поразил глубиной знаний творчества поэта, а стихи его понимал и читал сердцем, так, как не читал сам поэт – пронзительно, взволнованно, до потрясения. Жаль, не записали, жаль, не услышим больше.

Любовь к Есенину пришла к Руслану от отца. Об этом он сам говорил на творческом вечере 26 февраля 2002 года. Я думаю, будет оправданной довольно большая выдержка из видеозаписи этого вечера:

– Мой папа, я сейчас до сих пор поражаюсь, к сожалению, сейчас я не могу у него спросить, откуда это. Он в школе, ещё со школьной скамьи безумно любил Есенина. Понимаете, в 54-м, 55-м году достать стихи Есенина – это было достаточно сложно. Это был опальный поэт.

Вот у меня воспоминания, чёткие воспоминания детства: отец приходит с работы, открывает томик Есенина, как он читает. И наблюдение вот это за отцом – я уже тогда в таком, в полубессознательном возрасте понимал, что книга что-то может сделать с человеком, потому что мимика отца была крайне выразительна в те моменты. Я наблюдал за ним. И потом, когда я научился читать, первые стихи, которые... причём я читал, когда никого дома не было, я открывал этот томик и сам читал. Я не могу сказать, что я всё понимал...

И вот... стихотворение, которое посвящено этому воспоминанию детства:

* * *

*Я вспомнил детство и отца.
Есенина зелёный томик.
Читает, курит без конца.
Зубами скрипнет – и на столик*

*Отложит книгу. Посидит,
Ладонями лицо закрывши.
Мне было года два, поди,
Но вот глаза закрою – вижу.*

*И первая любовь к стихам
Моя – конечно же Есенин.
На розовом коне скакал
Под кущею зелёной сени
Годов, наверное, с восьми –
Сейчас уже не помню точно.
Кто бы подумал, чёрт возьми,
Что даром не пройдёт заочность*

*Науки лада и любви,
Бродяжничества и попоек...
Судьбу за хвост не уловить,
Да и наверное – не стоит.
Прошли года... Сейчас и здесь
Уже ни в чём врага не вижу,
Но я наполовину есть –
Из этой самой первой книжки,*

*И... хорошо. Спасибо, жизнь.
Тобой недаром я корёжен.
Заканчивая ностальжи,
Вас процитирую, Серёжа:
«Вот и себя я не сберёг
Для тихой жизни, для улыбок.
Как мало пройдено дорог,
Как много сделано ошибок...»*

А в конце творческого вечера Руслан прочёл ещё одно своё стихотворение.

– Я начинал говорить о том, что первым поэтом для меня был Есенин. И хочется прочитать ещё одно стихотворение в связи с этим.

* * *

*Дождь косой, ослепши, падал с неба,
Шёл в июнь черёмуховым снегом,
И пацан босой по лужам шлёпал,
Слушая, о чём шумели клёны.*

*Клёны говорили – он не верил.
Клёны уверяли – он смеялся.
Потому что день был спел и светел.
Снег был бел и небо было ясно.*

*Было ясно: будет всё красиво,
Как сирень, умытая июнем,
Как подсолнух Солнца над Россией,
Как его безудержная юность.*

*Шёл с душой пацан и не боялся.
Клёны говорили – он смеялся.
Клёны уверяли – он не верил –
Про петлю в каком-то «Англетере».*

Николай Глазков

39). Глазков. (про ворона).

Николай Глазков. Ворон

Чёрный ворон, чёрный дьявол,
Мистицизму научась.
Прилетел на белый мрамор
В час полночный, чёрный час.

Я спросил его: – Удастся
Мне в ближайшие года
Где-нибудь найти богатство? –
Он ответил: – Никогда!

Я сказал: – В богатстве мнимом
Сгинет лет моих орда,
Всё же буду я любимым? –
Он ответил: – Никогда!

Я сказал: – Невзгоды часты,
Неудачник я всегда.
Но друзья мои добьются счастья? –
Он ответил: – Никогда!

И на все мои вопросы,
Где возможны «нет» и «да»,
Отвечал вещатель грозный
Безутешным НИКОГДА!..

Я спросил: – Какие в Чили
Существуют города? –
Он ответил: – Никогда! –
И его разоблачили!

Николай Глазков – московский поэт, писавший ещё до войны самобытные и неповторимые стихотворения. Владел старой квартирой на Арбате, ставшей неофициальным литературным салоном. Придумал издательство «Самсебяиздат» (предшественника «Самиздата»), в котором писал от руки или печатал на машинке, переплетал и выпускал книжечки своих стихов. За основание литературного течения «небывализм» и выпуск машинописных альманахов был исключён из института.

Каким-то чудом избежал репрессий 1930-х годов, хотя его отец был арестован и расстрелян. В армию не призывался по здоровью. Как и полагается поэту, работал сельским учителем, носильщиком, грузчиком, заготовщиком дров. Снялся в эпизодических ролях в нескольких фильмах.

В 1950-х годах начал жить литературным трудом. Как отмечали критики и читатели, стихи Н. Глазкова из «оттепельных» сборников 1950-60-х годов заметно уступали его ранним «самсебяиздатовским» стихам.

Руслан Сидоров давно обратил внимание на этого нестандартного, остроумного поэта, мастера словотворчества, на его парадоксальные и эпатажные стихи, цитаты и четверостишья. В одной из тетрадей Руслан записал такое четверостишье Н. Глазкова:

Мне говорят, что «Окна ТАСС»
Моих стихов полезнее.
Полезен также унитаз,
Но это не поэзия.

На творческом вечере в феврале 2002 года Руслан рассказал о поэте Николае Глазкове и прочитал его стихотворение «Ворон», правда, не целиком, только заключительные строфы. Потом прочитал («показал», как он часто говорил о стихах) своё стихотворение «Ворона», которое написал, видимо, оттолкнувшись или от Глазкова, или от Эдгара По.

– Есть знаменитое стихотворение по двум... в двух моментах знаменитое. Эдгара По «Ворон». Там идёт рефреном: «Nevermore!» – «Никогда!». Все его знают. Оно ещё знаменито тем, что очень много поэтов – и англоязычных, и наших... – переводов у него масса. Во-вторых, очень много этот сюжет

«Ворона» брали и как-то его... Ну, чтобы показать: достаточно малоизвестный поэт Николай Глазков, может быть, известный вам – не знаю... Помните, фильм «Андрей Рублёв» начинается: мужик падает с колокольни: «Лечу-у!». Николай Глазков играл в этом эпизоде. Он в основном занимался переводами с ненецкого, с карело-калпакского (Конечно, это случайная оговорка – СГ), всё подряд. Он говорит: «Вот я 250 строчек перевожу до 12 часов, больше не работаю. Из 250 125 выкинут, 125 возьмут. А мне на бутылку коньяка хватит. Такой простой очень мужик. И он написал свой вариант, сейчас вам покажу – интересное стихотворение. У него достаточно светлое оно.

*У меня невзгоды часты,
Неудачник я всегда.
А друзья добьются счастья? –
Он ответил: – Никогда!*

*И на все мои вопросы,
Где возможны «нет» и «да»,
Отвечал вещатель грозный
Безутешным «Никогда!»*

*Я спросил: – Какие в Чили
Существуют города? –
Он ответил: – Никогда! –
И его разоблачили!*

Я специально его прочитал, чтобы не так чернушно всё это было – то, что сейчас читаю. Но называется не «Ворон», а «Ворона».

*На подгнившем кресте – ворона –
С неизбежностью «никогда».
Тополей облысевшие кроны
Покрывает звезды слюда.*

*И сусальные их макушки,
И кровавая дробь рябин,
И стоящий на полке Пушкин,
Что зимою будет убит, –*

*Это всё вечерний октябрь,
Его кровь – ледяная вода...
«Но кому-то, хоть что-то, хотя бы
Хоть когда-нибудь...». – «Никогда».*

Ион Деген

49). *«Мой товарищ в смертельной агонии».*

Иона Деген

* * *

Мой товарищ, в смертельной агонии
Не зови понапрасну друзей.
Дай-ка лучше согрею ладони я
Над дымящейся кровью твоей.
Ты не плачь, не стони, ты не маленький,
Ты не ранен, ты просто убит.
Дай на память сниму с тебя валенки.
Нам ещё наступать предстоит.

Приведённый список составлялся Русланом, как список любимых стихотворений. Но можно предположить, что стихотворения эти он воспринимал по-разному. Одни, возможно, ему были интересны профессионально, как поэту. В других подкупало мастерство автора, прежде всего поэтический язык. Не сомневаюсь, что, говоря о некоторых стихах, Руслан просто не смог бы объяснить, чем они привлекли его, так бывает. Какие-то вызывали у него восторг. Что касается стихотворения Иона Дегена, оно было потрясением для Руслана. Это было заметно по тому, как он читал – медленно, сосредоточенно, тщательно выговаривая слова, скрывая эмоции.

Причиной такого восприятия была не только беспощадная правда войны, заключённая в этом стихотворении, но и легендарная судьба автора...

Война началась через неделю после окончания девятого класса. Сбежав из эвакуационного эшелона, Ион Деген, едва перешагнувший шестнадцатилетие, пошёл добровольцем в истребительный батальон, состоявший из старшеклассников. Выходя из окружения, был ранен в ногу. В госпитале по счастливому стечению обстоятельств избежал ампутации.

После госпиталя Ион Деген – командир отделения разведки в команде бронепоезда. Осенью 1942 года ранен при выполнении разведзадания в тылу противника. Позже направлен в танковое училище.

Весной 1944 года с отличием закончил училище и получил звание младшего лейтенанта. А потом – командир танка, участие в Белорусской наступательной операции, командир танкового взвода, танковой роты, гвардии лейтенант.

Является одним из советских танковых асов. За время участия в боевых действиях его экипаж уничтожил 12 немецких танков, 4 самоходных орудия, много техники и живой силы противника. Дважды за героизм и отвагу представлялся к званию Героя Советского Союза (причём второй раз – лично командующим 3-м Белорусским фронтом генералом И.Д. Черняховским), но оба раза получал только ордена. Дважды был похоронен (спустя много лет И. Деген с женой и сыном был в Калининградской области на своей могиле. Военком заверил, что она находится в отличном состоянии).

Свой последний бой гвардии лейтенант Ион Деген принял в январе 1945 года в Восточной Пруссии. Когда его вытащили из горящего танка, он был ещё жив. В нём было 6 осколков и 7 пуль, пробита грудь, перебиты руки и ноги, раздроблена нижняя челюсть («...у меня после ранения внешности, как таковой, не было»). Врачи совершили чудо. Но часть ноги ампутировали. Пожизненная инвалидность в двадцать лет.

После войны окончил медицинский институт, работал ортопедом-травматологом. В 1959 г. впервые осуществил реплантацию предплечья. Защитил кандидатскую, потом первую в медицине докторскую диссертацию по магнитотерапии.

В 1977 году репатриировался в Израиль, где более двадцати лет продолжал работать врачом-ортопедом.

Кроме войны и медицины в жизни Иона Дегена была литература. В планшете гвардии лейтенанта Дегена лежала заветная тетрадка со стихами, которые писались в минуты тишины между боями.

* * *

На фронте не сойдешь с ума едва ли,
Не научившись сразу забывать.

Мы из подбитых танков выгребали
Всё, что в могилу можно закопать.
Комбриг упёрся подбородком в китель.
Я прятал слёзы. Хватит. Перестань.

А вечером учил меня водитель,
Как правильно танцуют падеспань.

Лето 1944 г.

Книги с его рассказами, очерками и стихами после войны выходили в Израиле, России, других странах.

В 2014 году Ион Деген впервые после 37 лет жизни в Израиле приехал в Россию. Ему было 89 лет. На торжественном собрании в Федерации еврейских общин России Дегену была вручена премия «Скрипач на крыше» в главной номинации – «Человек-легенда». Многотысячный зал стоя приветствовал маленького хромого старого человека. Человека-легенду, воина, врача, поэта.

И всё-таки главное, что принесло известность И. Дегену, – это маленькое стихотворение в восемь строк, которое он написал девятнадцатилетним в декабре 1944 года. То самое, которое Руслан Сидоров записал в число своих любимых стихов. Оно ходило в списках, заучивалось наизусть, стало народным. Считалось, что написал его неизвестный автор-фронтовик, что оно было в планшете, найденном в подбитом танке. Об авторстве Дегена стало известно только в конце 1980-х годов.

Стихотворение «Мой товарищ...» воспринималось далеко не однозначно, и «виной» тому были строки «Дай на память сниму с тебя валенки. / Нам ещё наступать предстоит». Автора упрекали в кощунстве, в воспевании мародёрства, в клевете на советского солдата. Очень уж непривычной в этих строчках

была неприглаженная, жестокая правда войны. Однако многие, в том числе большие поэты, сами фронтовики – Александр Межиров, Борис Слуцкий, Евгений Винокуров, Михаил Дудин – называли эти строки лучшим военным стихотворением.

Послесловие

В предлагаемых заметках указаны не все стихи из списка Руслана. Основная причина этого, как уже указывалось в предисловии, заключается в том, что о некоторых стихах пока мало что известно или вообще ничего не известно: откуда они взялись и чем привлекли Руслана (пишу: «пока не известно», потому что есть надежда что-нибудь выяснить в дальнейшем).

К примеру, об Евгении Блажеевском можно сказать только, что Руслан несколько раз с удовольствием читал его стихи. Евгений Рейн представлен в списке стихотворением «Сосед Котов». Это же стихотворение Руслан записал в одной из своих тетрадей. Ещё пару раз Е. Рейн упоминается в стихах самого Руслана. Имя Александра Башлачёва тоже можно встретить в одном из стихотворений Руслана. Всего этого явно недостаточно, чтобы рассказать (написать) что-то толковое об этих стихах и этих поэтах.

Некоторое удивление вызывает то, что в списке отсутствуют поэты, которых Руслан знал и любил – так можно сказать без малейшей натяжки. У Руслана есть два ранних стихотворения, в которых он, словно предваряя список любимых стихотворений, указал читаемых авторов:

Круг чтения

*Бродский, Слуцкий, Кублановский,
Красовицкий, Рейн, Самойлов,
Найман, Бобышев, Горбовский,
Ахмадулина и Мориц.
Стратановский и Соснора,
Бродский. Бродский. Лосев, Кушнер.
И для полного набора:
Сидоров, а также Пушкин.*

*Нельзя сказать, что я был нелюдом.
 Напротив, я общался ежедневно
 Со многими хорошими людьми:
 Мне другом был Иосиф Мандельштам,
 Иосиф Бродский и Андрей Платонов.
 И женщины, которых никогда
 Не разлюбить: Марина, Анна, Юнна.
 А сколько иностранцев... Так что я
 Имел весьма широкий круг общения.
 Нельзя сказать, что я был нелюдом.*

Если просмотреть фамилии в этих стихотворениях, то в списке мы не увидим, например, Марины Цветаевой, хотя она-то уж точно была в числе любимых. Однажды Руслан сказал: «Почему считается, что только Пушкин – наше всё? Я думаю, что Цветаева – тоже наше всё».

В списке нет Анны Андреевны Ахматовой, Бориса Слуцкого, Глеба Горбовского, Беллы Ахмадулиной. Нет Александра Кушнера, хотя в тетрадях Руслана есть упоминания о нём, а в одной из тетрадей переписано его стихотворение «Но только английский хорош детектив...». Нет Давида Самойлова; мы с Русланом однажды вдвоём проводили вечер его творчества, тогда Руслан сказал немало уважительных слов о поэте.

Нет в списке и Бориса Чичибабина, которого уверенно можно отнести к любимым поэтам Руслана. Как рассказывал сам Руслан, стихи Чичибабина он полюбил ещё во времена армейской службы, читая их в журнальных публикациях. Многие, наверно, вспомнят эмоциональное выступление Руслана на вечере поэзии Б. Чичибабина в клубе «Дилижанс».

В последние годы существования «Дилижанса» Руслан увлёкся стихами молодых поэтов. Несколько раз он рассказывал нам о поэте и прозаике Александре Иличевском, читал его стихи. В одной из тетрадей находим два стихотворения Сергея Гандлевского. Очень восторженной была реакция Руслана на «открытие» Веры Полозковой. В феврале 2012 года он организовал вечер её поэзии, который провёл вместе с Анастасией Русских и Светланой Черкеевой. Стихи этих поэтов в список также не включены.

Из зарубежных поэтов, стихи которых вполне могли бы попасть в список Руслана, можно назвать Роберта Фроста, Леопольда Стаффа, Чеслава Милоша и некоторых других; насколько я помню, их стихи нравились Руслану.

Почему же стихи всех этих поэтов не попали в список любимых? Я думаю, возможный ответ прост – до них не дошла очередь. В задуманный список из сотни стихотворений Руслан записал около пятидесяти, то есть примерно половину замысла. Продолжи Руслан работу над списком, скорее всего в него вошли бы, если не все, то многие из перечисленных поэтов.

Надо понимать, что такой список не есть что-то застывшее навечно. Привязанности, в том числе поэтические привязанности и предпочтения любого человека меняются со временем. Вот и этот список отражает предпочтения Руслана в начале 2010-х годов.

Если прибегнуть к сослагательному наклонению, то можно предположить (только предположить) дальнейшую судьбу списка любимых стихотворений. Думаю, что некоторые стихотворения были записаны под влиянием минутного восторга. Для поэта такое не только возможно, это неизбежно. «Отлежавшись», такие стихи со временем исчезли бы из списка, утратив статус любимых.

Некоторые авторы у Руслана остались бы в числе любимых, как говорится, при любом раскладе, при любых систематизациях и классификациях. Это Иосиф Бродский, Осип Мандельштам, Марина Цветаева, Борис Рыжий, Борис Пастернак, Борис Чичибабин, Лев Лосев, Тимур Кибиров и несколько других поэтов.

И, наверное, в списке появились бы новые стихи, новые имена. К сожалению, все предположения в сослагательном наклонении начинаются с печального «Если бы...». Если бы не июньская трагедия 2013 года... Если бы человеческая жизнь не была столь хрупкой... Если бы Руслан... Сколько хороших стихов он бы написал! Сколько интересного рассказал бы нам! Сколько было бы у нас чудесных минут общения с ним! Наверняка были бы новые поэтические вечера с его любимыми поэтами и любимыми стихами, которые Руслан читал бы наизусть...

Содержание

Предисловие	4
Юнна Мориц	10
Вера Павлова	12
Иосиф Бродский.....	13
Александр Пушкин	22
Борис Рыжий	24
Денис Новиков	28
Лев Лосев	30
Журнальные публикации	34
Михаил Поздняев, Вадим Жук	34
Илья Плохих	36
Ксения Дьяконова	37
Стивен Крейн, Эдвард Эстлин Каммингс	38
Вислава Шимборская	40
Осип Мандельштам	42
Тимур Кибиров	46
Владимир Лифшиц	52
Иннокентий Анненский	57
Велимир Хлебников	59
Сергей Есенин	65
Николай Глазков	69
Ион Деген	73
Послесловие	77

Издательство «Ник без Компані»